

П. Б. АКСЕЛЬРОД

К столетию со дня рождения Михаила Бакунина* (18 мая 1814 – 18 мая 1914 г.) (По поводу столетия со дня рождения Михаила Бакунина)

Редакция «*Неуе Цайт*»² просила меня написать статью о роли Бакунина в русском революционном движении. Эта благодарная, а для меня, начавшего свою революционную деятельность в качестве бакуниста, и заманчивая задача. Но в течение короткого времени, которое имеется в моем распоряжении, я не имею возможности хотя бы отчасти исчерпать этот вопрос и я вынужден поэтому ограничиться общей беглой характеристикой Бакунина в «народнический» период нашего движения.

Отрицательное значение его деятельности в Интернационале хорошо известно. Но, вероятно, даже в руководящих кругах западноевропейского рабочего движения лишь немногие товарищи знают, что в России влияние Бакунина в 70-е годы имело выдающееся *положительное* значение. Это, конечно, объясняется характером и ступенью развития русского революционного движения того времени.

Старый Интернационал был образован и действовал в переходный для западного пролетариата период, в период перехода его из детского возраста или из доисторической стадии его классового развития к современному социал-демократическому рабочему движению. На долю Интернационала выпала историческая миссия: подготовить пролетариат в этот переходный период к вступлению

---

* *Прим. переводчика.* Статья эта заимствована из № еженедельника германской социал-демократии «*Неуе Цайт*» [«*Die Neue Zeit*»], редактируемого К. Каутским¹. Краткость статьи объясняется тем, что автор должен был написать ее почти накануне выхода № журнала, в котором она помещена.

в период его духовной и политической зрелости. Но внутри самого Интернационала еще давали себя чувствовать сектантские, утопически-революционные и утопически-социалистические пережитки прошлого; их антагонизм с условиями и потребностями развития современного рабочего движения оказал определяющее влияние на всю внутреннюю жизнь Интернационала в течение 60-х и — особенно в романских странах — отчасти и 70-х годов. И Бакунин как раз и был самым даровитым, самым энергичным и самым крайним выразителем воззрений, методов действий и тенденций в рабочем движении утопического социализма — сектантского революционизма. Он был революционным вождем и организатором отсталых, в известной степени, реакционно-настроенных элементов в новой пролетарской армии. И его успехи внутри этой армии в общем и целом означали рост внутренней смуты в Интернационале и усиление мук родов современной международной социал-демократии.

В русском революционном движении того времени бакунизм начал, напротив, значительный прогресс, знаменовал, почти можно сказать, новую эпоху развития. Чтобы понять это, нужно иметь в виду следующие факты и их решающее влияние на характер и ход развития нашего революционного движения.

Социал-политическая почва русского революционного движения в то время, когда бакунизм добился в нем господства, напоминала — *mutatis mutandis*³ — Францию середины 18-го столетия. Россия в то время с опозданием более чем на 100 лет представляла в известной степени дореволюционную Францию. Непосредственной целью революционного движения в России было устранение сословно-бюрократического строя. Но во Франции как раз привилегированные сословия через свои представительские органы, с парламентами во главе, своей многолетней оппозицией правительству заставили его капитулировать, распатали старый режим и привели к революции. Русское же дворянство и русское духовенство, благодаря и своему прошлому, и своему современному положению, неспособны были сыграть для мало-мальски энергичной оппозиции монархически-бюрократическому режиму. Демократические элементы должны были поэтому очень рано создать самостоятельную партию и выступить на историческую сцену, чтобы приняться за эту подготовительную работу по пробуждению общественного мнения народных масс, которая была необходима для наступления первой буржуазной революции и которую во Франции — в других формах и другими средствами — более чем столетием ранее выполняли сами господствующие сословия. Исторические условия подгото-

вительного процесса первого акта буржуазной революции в России делали необходимым сплочение здесь буржуазной демократии и выполнение ею значительной политической роли еще прежде, чем создались элементарнейшие социал-политические предпосылки для ее собственного существования. Это противоречие в условиях происхождения и развития русского революционного движения с самого начала определяло процесс создания радикальной демократии в России, и его последствия до сих пор сказываются и в жизни русской социал-демократии.

Из каких же элементов состояла тогда русская революционная армия и на какие социальные слои она опиралась в период господства бакунистского учения? И далее: как и благодаря чему оно сумело утвердиться и играть выдающуюся роль в общественной жизни России, несмотря на историческую незрелость социальной среды, в которой оно действовало? Исчерпывающие ответы на эти вопросы были бы необходимы для полного выяснения исторической роли и значения Бакунина в русском революционном движении. К сожалению, я могу здесь лишь бегло наметить ответы на них.

В настоящее время и на Западе почти общеизвестно, что главным очагом и главной опорой этого движения в первое время исключительно, а в дальнейшем и до середины 90-х годов преимущественно, была учащаяся молодежь, выходящая из буржуазных слоев общества. Здесь вербовались революционные отряды, как офицеры, так и главная масса солдат революции, и отсюда же главным образом доставлялись материальные средства на нужды революционного движения. Но почему как раз учащаяся, преимущественно университетская молодежь стала главной носительницей народнического революционного движения?

Прежде всего потому, что в условиях старого режима в России политическая оппозиционная деятельность требовала такого высокого революционного идеализма, воодушевления и способности к самопожертвованию, к которым тогда были способны лишь лучшие элементы учащейся молодежи. Отцы русской радикальной демократии: Чернышевский и Добролюбов еще в начале 60-х годов указали психологические предпосылки, необходимые для образования энергичной, деятельной партии в старой России. В своем романе «Что делать?» Чернышевский рисует тип революционера, который заранее готовит себя к предстоящему ему мученичеству. А Добролюбов пытался, несмотря на цензурные рогатки, выяснить своим читателям, что те элементы высших классов, которые хотят придти на помощь угнетенным массам, т. е. прежде всего крестьянам, прежде всего должны порвать всякую связь с привилегированными сословиями, к которым

они принадлежали. Разбирая роман Тургенева «Накануне» (1860 г.), Добролюбов поставил вопрос: почему Тургенев вывел в качестве революционера — героя романа — не русского, а болгарина, поставившего целью своей борьбы освобождение своего родного народа от турецкого ига? И ответ гласил: Тургенев поступил так потому, что среди русских еще не было необходимых психологических предпосылок для выработки подобных революционных типов. Он иллюстрирует свою мысль сравнением с положением турка высших сословий, мечтающего об освобождении поработанных христиан, и в то же время отделенного глубокой пропастью от угнетенных христиан.

Если бы он действительно хотел бороться за их освобождение, он должен был бы совершенно отказаться от своего привилегированного положения, от своего класса, отвернуться от своих ближайших родных, от своей веры и душой и телом слиться с христианами. Народовольцы из высших слоев в России были отделены от народной массы культурной и социальной пропастью, которая не менее глубока и широка, чем пропасть между господствующими турками и поработанными ими христианами. Для освобождения народных масс в России от их угнетателей идеально настроенные круги буржуазной интеллигенции должны были последовать гипотетическому примеру турка, симпатизирующего угнетенным христианам. Понятно, что только в среде интеллигентной молодежи, а не в рядах отцов ее могли находиться люди, способные вступить на этот путь.

Необходимое для этого настроение, своего рода религиозный энтузиазм среди этой интеллигенции воспитывались, крепили и достигали высшей степени развития лишь благодаря непрерывной революционной пропаганде. Литературные вожди радикальной интеллигенции в 60-х годах немало сделали в этом отношении. Но наиболее сильный толчок в этом направлении был дан лишь бакунизмом, который дал этим революционным стремлениям, настроениям и склонностям концентрированное, отчетливое и яркое выражение. Бакунин формулировал непосредственную цель и программу действий народнического революционного движения. Его идеализация революционных и социальных инстинктов крестьянства, его жизнь и борьба на жизнь и на смерть против всего буржуазного общества и государства, его революционный утопизм и его опьяняющая революционная фразеология чрезвычайно повышали энтузиазм способных на одушевление и на жертву элементов интеллигенции. Он стал благодаря этому почти на целое десятилетие самым популярным вождем русской революционной интеллигенции. Он в известной степени подвел итог подготовительному периоду ее развития к партии революционного действия и в его учении революционная интеллигенция нашла в сжа-

той, концентрированной форме идеологию, которая скрывала от нее исторические пределы революционного движения на почве старого режима и культурные и социально-политические препятствия, которые стояли на его пути. Этот самообман и эти иллюзии были, однако, необходимы для того, чтобы сделать для интеллигенции психологически возможным совершение той исторической подготовительной работы, которая расчистила путь для социал-демократического движения и для непосредственной подготовки революции.

К концу 70-х и к началу 80-х годов русский бакунизм начал быстро разлагаться. Но и тогда еще не прекратилось его положительное влияние на наше движение. Кучка героев-террористов, начавших единоборство со всемогущим абсолютизмом при политическом индифферентизме⁴ и полном бессилии общества, вербовалась из лучших и наиболее выдающихся представителей того революционного поколения, которое психологически и теоретически находилось под влиянием и господством бакунизма. Но почти в то же самое время, когда эта борьба достигла своего апогея, в головах других русских бакунистов начался процесс дальнейшего развития к социал-демократизму. Это, может быть, звучит странно, но это факт: это развитие первоначально совершалось не в сознательном принципиальном противоречии с бакунизмом, но скорее логически примыкая к некоторым идеям и положениям Бакунина, правда, в то же время и под влиянием международного рабочего движения. Этот путь был потому логически возможен, что Бакунин сам электрически и в непереверенном виде усвоил себе некоторые марксистские идеи.

Автор этих строк в 70-е годы сам был бакунистом и испытал на себе захватывающее влияние произведений Бакунина на революционно настроенные круги учащейся молодежи. Мне довелось проделать и эволюцию от бакунизма к марксизму и я еще живо вспоминаю, как я находил в бакунизме исходные точки зрения для моего развития в социал-демократическом направлении.

В Западной Европе бакунизм организовал и руководил сопротивлением отсталых, находящихся во власти сектантских социалистических и утопических революционных традиций, элементов рабочего движения против нарождающейся международной социал-демократии. В России он, помимо своей воли, стал провозвестником социал-демократического движения. На Западе он тормозил движение, вносил в него дезорганизацию, в России, напротив, он сыграл бывшую положительную роль.

